

СЛЕДСТВЕННЫЕ ФАЛЬСИФИКАТЫ ОБ ИСТОКАХ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

I

В литературе о большом терроре остается нерешенным главный вопрос: что подвигло руководство страны в 1937–1938 гг. на проведение массовых операций против низов советского общества — т. н. «социальной инженерии» одновременно с масштабной политической чисткой всех властных аппаратов — партийного, военного, хозяйственного, карательного. Ввиду недостатка источников выдвигаются самые различные версии. Одни историки пишут о его доктринальных источниках: «Они [большевистские вожди. — О. А.] культивировали террор как стиль правления, поскольку не могли представить себе порядка, обеспечивающего повиновения без угрозы насилием и его применения», тут же оговариваясь, что ими одними нельзя объяснить смысл происшедшего: «Даже если Сталин и его подручные были убеждены, что их окружают внутренние и внешние враги — почему они решили, что это дает основание арестовывать, депортировать и убивать миллионы людей»¹. Для других большой террор был превентивной мерой. «Я согласен с теми исследователями, — замечает

---

¹ Баберовски Й. Выжженная земля: сталинское царство насилия. М., 2014. С. 12, 25–26.

Д. Ширер, — которые полагают, что время проведения и уровень жестокости больших “чисток” определялись предвидением неизбежной войны и вражеского вторжения и опасениями восстания “пятой колонны”»². Возможно, это отдаленное последствие революционного взрыва, своего рода пароксизм революционной лихорадки, поразившей людей, штурмовавших небо³. Или, напротив, продукт холодного расчета архитекторов и прорабов нового общества: нужно-де было убедить людей в том, что их мечты о справедливом мире сбылись: «Задача полиции превратилась в задачу чисто метафизическую: на плечах Ежова, Берии, “органов” покоилась вся новая действительность и вера в ее существование»⁴. Множество версий порождает сомнения, могут ли историки узнать, что подвигло сталинское руководство на осуществление массовых террористических практик в условиях социального мира. Читаем у Ш. Фитцпатрик: «Мы никогда не получим окончательный ответ на вопрос, какими были цели великих чисток»⁵. И было бы неверным в их интерпретации верить тому, что об этом говорили их инициаторы, или инициатор: «публичные доводы диктатора наверняка отличались от его подлинных мотивов»⁶. Старые большевики, придя к власти, оставались конспираторами, во всяком случае те из них, кто, по словам Сталина, принадлежал к партийному генералитету. А Разгон, знавший близко людей из этого круга, считал эту привычку глать неотъемлемой чертой их политической культуры. «Я знал близко многих крупных деятелей партии. Среди них были образованные и умные люди, которых украшали такие превосходные человеческие качества, как бескорыстие, скромность, простота. Но все они были политики — то есть слово их не стоило ломаного гроша»⁷. Здесь речь идет не столько о заведомой неправде, сколько об умении «говорить по-большевистски», то есть находить готовые формулировки, либо скрывающие суть дела, либо перетолковывавшие ее в со-

---

² Ширер Д. Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. 1924–1953. М., 2014. С. 28.

³ Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford, 1982.

⁴ Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998. С. 95.

⁵ Fitzpatrick Sh. On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton, 2015. P. 115.

⁶ Баберовски Й. Выжженная земля.. С. 26.

⁷ Разгон Л. Э. Непридуманное: Повесть в рассказах. М., 1989. С. 37.

ответствии с доктринальными установками. В. М. Молотов спустя десятилетия объяснял своему собеседнику из другого поколения, что большой террор — «это продолжение революции в сложной международной обстановке»⁸.

И. В. Сталин, никогда публично не высказывавшийся о массовых операциях, объяснял необходимость сурового наказания горстки троцкистов тем, что они оказались предателями. Причина их измены — банальный страх перед Гитлером:

«Они считают, что вся Европа будет охвачена фашизмом, и мы, советские люди, погибнем. Чтобы сторонники Троцкого не погибли вместе с нами, они должны заключить соглашение с наиболее сильными фашистскими государствами, чтобы спасти свои кадры и ту власть, которую они получают при согласии фашистских государств. <...> Их “концепция” навеяна паникой перед фашизмом»⁹.

Замечу, что дебаты о природе большого террора начались в 1937–1938 гг., в том числе в тюремных камерах. Об их содержании можно судить из писем Сталину, дошедших до адресата и не дошедших. Известна, например, версия Н. И. Бухарина, в чем-то совпадающая с позднейшей молотовской:

«Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально подозрительных»¹⁰.

Высказывались и противоположные взгляды. В неотправленном письме на имя Сталина можно найти результаты своего рода камерного семинара о природе репрессий. Место обсуждения — общая камера пермского следственного изолятора; время — поздняя осень 1938 года. Участники: историк, директор педагогического института П. Г. Погожев, технический директор завода № 10 Народного комиссариата оборонной промыш-

⁸ Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 392.

⁹ Беседа Сталина с Лионом Фейхтвангером. 8 января 1937 г. // Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005. С. 453.

¹⁰ Бухарин — Сталину. 10.12.1937 // Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 188.

ленности (НКОП) В. Я. Далингер¹¹ и инженер завода № 19 Народного комиссариата авиационной промышленности (НКАП) В. В. Чугунов. Резюме этих долгих дебатов записал П. Г. Погожев. При обыске в стельке его сапога обнаружили неоконченное письмо на имя Сталина, изъяли, приобщили к делу. Следователь прочел:

«Происходит массовое истребление большевистских кадров, тех самых кадров, которые вынесли на своих плечах героические годы гражданской войны и интервенции, гигантские трудности восстановительного периода, индустриализации и коллективизации в годы первых двух пятилеток.

Среди них тысячи славных имен, известных каждому пионеру; имен, которыми законно гордилась вся страна. Все эти кадры огульно объявлены врагами народа — право-троцкистскими реставраторами капитализма, агентами кровавого фашизма, изменниками родины, шпионами, диверсантами, террористами, вредителями, контрреволюционерами.

Если принять весь этот кровавый бред сумасшедшего за чистую монету, то получается массовое перерождение большевистских кадров, массовый отказ от социализма, делу которого они отдали всю свою жизнь, и переход к капитализму, с которым боролись всю свою жизнь, массовое ренегатство. Получается, что троцкизм, выдвинувший 15 лет назад тезис об опасности термидорианского перерождения большевистских кадров, был прав, а Вы и партия, громившие за это троцкизм, были неправы. Но как же можно согласиться с этим? Ведь это значит, надо осудить всю борьбу партии с троцкизмом по этому острейшему вопросу.

По информации НКВД и нашей печати выходит, что вся эта масса людей — члены право-троцкистского контрреволюционного подполья. Выходит, что право-троцкистский блок организовал партию большую, чем ВКП (б), а его центры, тем не менее, даже не сделали попытки привести в движение свою мощную организацию и как ягнята пошли под расстрел. Как можно принимать всерьез такие арабские сказки?

---

¹¹ О В. Я. Далингере, в 1940 г. освобожденном из следственного изолятора, в годы войны директором все того же завода № 10, см.: *Ладыгина Л.* Казус инженера Далингера // *Отечественные записки.* 2005. № 2 (23).

Но тогда в чем же дело? Где правда? Как же объяснить массовое появление врагов народа, врагов социализма через 20 лет победоносного социалистического строительства?»¹².

Ответ гласил: во всем виноваты органы НКВД, которые «... проводят политику массовой фабрикации врагов народа»¹³.

Авторы письма предупреждали Сталина:

«Если Вы останетесь глухи к этим пока подспудным, но подлинным настроениям народа и со свойственной Вам решительностью и смелостью не прекратите этой губительной политики и не исправите ее ужасных последствий, то она скоро обратится против Вас, и тогда неисчислимые бедствия обрушатся на нашу Великую Родину»¹⁴.

В письме П. Г. Погожева можно обнаружить фактически все тезисы будущего доклада Н. С. Хрущева, кроме указания на болезненную подозрительность вождя. Большой террор отождествляется исключительно с репрессиями людей из партийной номенклатуры; его организаторами и инициаторами являются карьеристы из НКВД (в письме упоминается имя Н. И. Ежова); политическая ответственность лежит на Сталине.

Вопрос, что это было: генеральная чистка общества перед грядущей войной, или большая провокация карательных органов, питаемая сталинской паранойей, довлеет поныне над умами историков, более того, становится болевой темой публичной политической культуры.

Поставим проблему иначе: что побудило Сталина и его команду в течение двух лет проводить именно такую политику — громить все властные аппараты и одновременно терроризировать социальные низы общества. Есть простой ответ, хорошо известный: этого требовала большевистская доктрина обострения классовой борьбы в переходный период к социализму в условиях капиталистического окружения. Так говорил Сталин на февральско-мартовском

---

¹² Погожев П. Г. — И. В. Сталину. 5.09.1938. Рукопись // ПермГАСПИ (Пермский государственный архив современной политической истории). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16 858. Т. 2. Л. 101–102.

¹³ Там же. Л. 102.

¹⁴ Там же. Л. 103.

пленуме ЦК ВКП (б) в 1937 г., объясняя появление предателей с партбилетом давлением извне и изнутри классового врага¹⁵. Нынешнюю контрреволюцию возглавляют изменники с партийным билетом. Эта идея была немедленно усвоена органами НКВД.

«Практика нашей борьбы со шпионско-диверсионными и троцкистскими элементами за отчетный промежуток характерна тем, что во вскрываемых и ликвидированных контрреволюционных формированиях, в значительном большинстве случаев руководящая роль принадлежала врагам с партийным билетом»¹⁶.

Впрочем, сама идея обострения классовой борьбы была сформулирована в июле 1928 г. и сохраняла свое значение вплоть до «оттепели»¹⁷. И вопрос не в том, была ли она верной, или ошибочной¹⁸. Ею десятилетиями руководствовались в реализации внутренней политики, но отнюдь не в той форме, в которой проводили коллективизацию деревни и массовую чистку 1937–1938 гг. Не меняя доктринальных ориентиров, сталинское руководство вело себя иначе¹⁹.

---

¹⁵ См.: *Сталин И. В. Доклад И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б). 3 марта 1937 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. С. 95–108.*

¹⁶ Докладная записка «О нанесенном оперативном ударе по к/р шпионско-диверсионным и троцкистским элементам за время 1935/36 и 1937 г». Березники. 2241937 // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 106.

¹⁷ «... по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться» (*Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП (б) // И. Сталин. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 171*).

¹⁸ М. Рютин, например, считал, что, напротив, «основной закон классовой борьбы для Советского Союза должен быть сформулирован прямо противоположным образом: по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет ослабевать, и классовая борьба будет смягчаться, постепенно затухать» (*Рютин М. Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Рютин М. Н. На колени не встану / Сост. Б. А. Старков. М., 1992. С. 113–252: https://scepsis.net/library/id_946.html*).

¹⁹ Отметим, что в 1940–1950-х гг. идея обострения классовой борьбы по мере приближения к социализму была дополнена идеей противоположного плана о нерушимом морально-политическом единстве всего советского народа. «Как морально-политическое единство советского общества, так и дружба народов — это реальные, объективно существующие, а не только духовные движущие силы развития социалистического общества. Политическое един-

II

Для того, чтобы понять мотивы большого террора, нужно обратиться к источникам, позволяющим понять, как люди власти представляли себе в эти годы ситуацию в стране. Кроме «закрытых писем ЦК ВКП (б)», рассылаемых по первичным партийным организациям по поводу трех больших показательных процессов в Москве, имеет смысл обратиться к источникам иного рода, менее официальным. Можно выдвинуть гипотезу, что картину советской действительности в коллективном сознании сталинской команды в 1937–1938 гг. можно восстановить из признательных протоколов допросов людей, обвиненных в заговорщической деятельности против партии и советской власти. Имеются в виду фальсификаты, составленные следователями при фабрикации уголовных дел. Для их обозначения в партийном и ведомственном лексиконах существовал особый термин — «липа». На июльском пленуме ЦК КПСС в 1953 г. им свободно оперировали высокопоставленные партийцы:

«Хрущев. Давайте мы посмотрим назад, возьмем период последних 10 лет. Какие заговоры внутри нашей страны были открыты Министерством внутренних дел, Министерством госбезопасности? Было много липовых, дутых дел, а заговоров никаких.

Ворошилов. Правильно, никаких.

Хрущев. Давайте посмотрим дела 1937 года и после 1937 года, среди них также было много липовых дел.

Голос из Президиума. Больше половины липы, правильно»²⁰.

Итак, «липа» — это вошедшая в обиход метафора, обозначающая следственную и судебную фальсификацию. Ее присутствие

ство советского общества выражает действительное, реально сложившееся отношение между рабочим классом, колхозным крестьянством и советской интеллигенцией» (Константинов Ф. В. О движущих силах развития социалистического общества // Вопросы философии. 1949. № 3: https://work-way.com/blog/2016/10/28/o-dvizhushhih-silah-razvitiya-sotsialisticheskogo-obshchestva/#_ftnref15)

²⁰ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999. С. 233.

в языке указывает на распространенность этого явления, в том числе и в 1937 г.: «Много липовых дел». В показаниях на процессе сотрудников НКВД читаем: «В Пермском Управлении НКВД система фальсификации существовала с 1936 года»²¹.

Фабрикация дел происходило в двух основных формах: в принудительной криминализации реальных поступков: дружеских и служебных связей, разговоров, производственных промахов, глупостей и недоделок и пр.; в сочинении для подследственных враждебных актов, террористических намерениях, участия в конспирациях, шпионской деятельности. В промежутке между 1928–1937 г. как верно отметил А. Блюм, «в центре обвинений, криминализации и процессов оказывается идентичность связей»²². Характерным примером такой криминализации может служить тенденциозное изложение приятельской беседы хорошо знавших друг друга партийных работников в гостиничном номере в г. Свердловске в октябре 1936 г. В комнате были только свои, поэтому в разговорах не стеснялись. В протокол допроса следователь записал показания секретаря пермского горкома ВКП (б):

«Певзнер распространял базарные контрреволюционные сплетни о члене Политбюро ЦК ВКП (б) — Косиоре и о кандидатах в члены Политбюро ЦК ВКП (б) — Постышеве и Петровском. Косиор, — заявил Певзнер, совсем не тот, каким он был у нас в Сибири. Он сейчас такой “боярин”; его и не узнать. Даже френч для себя отменил. Ему, изволите ли видеть как и “мировому вождю”, — с типично троцкистским контрреволюционным ехидничеством, — продолжал Певзнер, — сейчас уже неудобно ходить во френче, и наш Станислав каждый раз фотографируется в новом костюме и в новом галстуке. <... > Высказывания Певзнера о Постышеве и Петровском носили еще более возмутительный контрреволюционный характер. Он усиленно подчеркивал контрреволюционные слухи о якобы существующих и даже углубляющихся разногласиях в руководстве КП (б) У, в особенности между Косиором и Посты-

²¹ Протокол судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве. 21–23.8.1939 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 6. Л. 166.

²² Блюм А. Администраторы, научные элиты и отношения с властью // История сталинизма. Итоги и проблемы изучения / Под ред. Баберовский Й. и др. М., 2011. С. 91.

шевым, что Постышев якобы всячески подкапывается под Косиора, что на этот раз у него ничего не получилось, но он все же не успокоился, и как более нахрапистый, Косиора свалит. Столь же гнусный контрреволюционный характер имели высказывания Певзнера о председателе ЦИК СССР и пред. ЦИК Украины — Петровском. Певзнер всячески клеветал на него. <...> На Украине «люди прямо помешались на охране». Представь себе, — заявил Певзнер, обращаясь к Гольшеву, — даже Петровского охраняют как настоящего вождя, подумаешь, кому он нужен»²³.

Обратим внимание на оценочные суждения, рассыпанные по тексту показаний: «троцкистское контрреволюционное ехидничество», «возмутительный контрреволюционный характер», «базарные контрреволюционные сплетни». Они могли принадлежать в равной степени и обвиняемому М. Н. Дьячкову, к тому времени набившему руку на разоблачении троцкистов в пермской партийной организации, и следователю. Именно в них проявляется процедура криминализации, когда болтовня приятелей превращается в контрреволюционное сборище клеветников. Побочный сюжет, касающийся избыточной охраны «украинских вождей», является, на самом деле, центральным. В перечне намеченных жертв троцкистского террора в августовском процессе 1936 г. были указаны С. В. Косиор и П. П. Постышев²⁴. Какие-либо сомнения в приговоре над осужденными по этому процессу рассматривались осенью 1936 г. как антисоветский акт — серьезное уголовное преступление. Собеседники в гостинице обкома, посмеиваясь над самой возможностью покушений на украинских начальников, были не только скептиками и маловерами, но двурушниками, врагам и с партийными билетами.

В 1937–1938 гг. доминирующей следственной практикой стало сочинительство, что тоже нашло отражение в языке. Сотруд-

---

²³ Протокол допроса Дьяčkова Михаила Николаевича 29.01.1937 // Перм-ГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11 275. Т. 1. Л. 80–81.

²⁴ «Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева». Закрытое письмо ЦК ВКП (б): О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 293.

ник НКВД вспоминал в следственном кабинете: «Между прочим, в тот момент не называли “вести следствие”, а говорили “оформить дело”»²⁵. На деле зачастую происходило смешение обеих следственных техник. В показаниях другого сотрудника НКВД читаем: «Я просматривал протоколы собраний, партийных активов и выбирал выступления, в которых упоминалась фамилия Мальцева (секретарь Чусовского ГК ВКП (б). — О. А.). После вызывал таких лиц и допрашивал. В протокол допроса писал все неполадки по городу и району, о которых показывал свидетель, независимо от того, причастен ли был к таковым Мальцев. В протоколы допроса я не вписывал положительную работу Мальцева, т. к. об этом имел указание от УНКВД Свердловской области. Мне не раз приходилось слышать от руководящих работников, что положительные стороны в отношении арестованных в протоколах не указывать. Так делали все сотрудники ГО НКВД»²⁶. Можно было поступать иначе: «Имели место и такие случаи, что у арестованного спрашивали, где и кем он работал, а потом через него же выяснялось, имели ли место на этом участке в его смену какие-либо аварии. И если арестованный говорил, что аварии были, то ему эти аварии вписывались как диверсионные акты»²⁷.

В следственных делах сотрудников НКВД можно найти множество свидетельств тому, что признания обвиняемых писались третьими лицами, не участвовавшими в допросах (их называли «журналистами»)²⁸, или редактировались в начальственных кабинетах.

В Свердловском управлении НКВД «в 3 отделе на всех “сознавшихся” арестованных писал протокол один человек Вайнштейн, не видевший в глаза этих арестованных и не беседовавший с ними, то есть протоколы писались только лишь с заявления, исключительно фантастического характера на 60–70 листах»²⁹.

---

²⁵ Обзорная справка по Архивно-следственному делу № 796219. 7.12.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8731. Л. 60.

²⁶ Протокол допроса Кривоногова Николая Николаевича. г. Молотов. 31.08.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13678. Л. 55.

²⁷ Протокол допроса свидетеля Кужмана Василия Осиповича. г. Молотов. 13.06.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11908. Т. 1. Л. 186.

²⁸ См.: *Поварцов С.* Причина смерти — расстрел: хроника последних дней Исаака Бабея. М., 1996. С. 47, прим.

²⁹ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников УНКВД Свердловской области // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16213. Л. 157.

В ином случае следователь самостоятельно собирал итоговый протокол на основе письменных показаний подследственного, его ответов на вопросы, изъятых при обыске документов и отдавал на рецензию своему начальству. В показаниях следователя НКВД Воскресенского от 23 мая 1941 г. читаем:

«Смонтированный протокол одним из следователей доставлялся к Дмитриеву или Стромину, Чистову, Дашевскому, Боярскому для “корректировки”. Последние так корректировали эти протоколы, что от первоначального проекта оставались рожки да ножки, в протоколы насовывалась вереница новых вымышленных версий, объем их доходил до 50–60 листов, и после этого отпечатанные протоколы давались на подпись арестованным»³⁰.

Начальство определяло, что следует, а чего не следует вносить в показания: «Подсудимый Корпачев: Легоцкий (начальник пермского горотдела НКВД. — О. Л.) говорил, что надо прекратить писать в протоколах разбор железных дорог и пожары, что надо придумать другие формы обвинения. «Неужели чекисты не могут придумать?»»³¹ Начальник 5 отдела Свердловского УНКВД учил своих подчиненных импровизировать: «Надо понять, что следователь должен быть своего рода врачом и устанавливать диагноз. Пишите протоколы сами, стройте гипотезу»³². На самом деле характер гипотез и содержание признаний в минимальной мере зависели от следователя. В конечном счете они определялись установками начальства: «Без фактов диверсии, террора протоколы допроса браковались, а равно не принимались без этих фактов и справки для альбома»³³. Начальник Свердловского УНКВД Д. М. Дмитриев приказал командованию Пермского горотдела «исключить из справок антисоветские разговоры, и он предложил писать шпионаж, ди-

³⁰ Выписка из заключения по архивно-следственному делу №463002 по обвинению Тележкина Ивана Ивановича и др. в количестве 295 человек // ПермГАСПИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 29041. Т. 10. Л. 294.

³¹ Протокол судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 6. Л. 161.

³² Выписка из обзорной справки по АСД №796082 по обвинению Граховского Сергея Ивановича,.. Мозжерина Федора Павловича,.. Кузнецова Кирилла Петровича,.. Ефимова Ивана Александровича. Копия // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13656. Л. 55.

³³ Мочалов А. Д. — Викторову. Рапорт. 1.08.1938. Соликамск // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 2. Л. 130.

версию и террор»³⁴. Следователям объяснили, «что антисоветские высказывания уже не в моде сейчас»³⁵.

Из показаний сотрудников НКВД следует, что признания обвиняемых были «липой», иначе говоря фальсификатом, изготовленным в учреждениях Наркомвнудела. Подследственным не оставляли другого выбора, кроме как поставить подпись под чужим текстом. На ведомственном жаргоне эта процедура, включавшая побои, карцер, внутрикамерную обработку, провокации и «конвейер» обозначалась нейтральным глаголом «уговорить». Уговаривал следователь, входящий «в бригаду “диктовальщиков”»³⁶. Один из них позднее жаловался: «Мне приходилось также сидеть с арестованными на конвейере до тех пор, пока не добьюсь собственноручных признаний. Я думал, что так и нужно. <... > На конвейере я людей держал до их признания»³⁷. Впрочем, передовым методом получения подписи на протоколе считалась внутрикамерная обработка. Ее проводили т. н. «колуны» — «признавшиеся обвиняемые, которые агитировали среди заключенных о скорейшем признании в принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации»³⁸. Среди «колунов» были виртуозы, способные склонить к сотрудничеству со следствием десятки арестованных, в том числе — и наиболее упорных из них. Об одном из них упоминается в показаниях следователя: «Брачинского поместили в камеру № 40, где сидел знаменитый “колу” Грабовский, привезенный Дашевским из Березников»³⁹. Подследственных

---

³⁴ Протокол судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 6. Л. 172.

³⁵ Там же. Л. 160.

³⁶ Там же. Л. 163.

³⁷ Там же. Л. 152.

³⁸ Обзорная справка по следственному делу № 24316, по обвинению Шарикова Николая Алексеевича, бывш. начальника XI отдела УГБ УНКВД Свердловской области // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11898. Т. 2. Л. 213.

³⁹ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников УНКВД Свердловской области // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16213. Л. 156. Григорий Грабовский — до ареста редактор Березниковской газеты «Ударник» — был человеком сравнительно молодым, жизнерадостным, умеющим быть душой компании, естественно, не дураком выпить. Взят он был местным отделом НКВД осенью 1936 г. даже не за длинный язык, а за потерю бдительности и недоносительство. В редакции крепко выпили, и завхоз предложил тост за товарища Троцкого: «Это наше божество»

убеждали в том, что «эти показания нужны в интересах Советской власти, что за преступления, изложенные в этих показаниях, их привлекать к ответственности никто не будет, а это нужно для того, чтобы предъявить счет иностранным государствам в их агрессивной деятельности против СССР»⁴⁰.

Впрочем, были и такие подследственные, которые не нуждались в камерных уговорах. Они верили следователю, убеждавшему своего визави: идет большая работа по разгрому «пятой колонны», партия нуждается в вашей помощи.

«Я верил в орган, руководимый Ежовым, — писал в комиссию партийного контроля в 1955 г. бывший секретарь Кизеловского горкома ВКП (б), только что вышедший из заключения и добившийся партийной реабилитации. — Для меня в то время была не “ежовщина”, как об этом сейчас говорят, а Ежов, посланный на эту работу ЦК нашей партии. Я тогда не задумывался, почему все это происходит, и приходил к мысли: лес рубят (действительных врагов), щепки летят. Какая — большая или маленькая — я оказался такой щепкой. В конце концов, и привело меня к тому,

---

(Протокол допроса свидетеля Ч-ва Н. Е., рождения 1907 года, работающего журналистом, корреспондентом ТАСС, по сопроисхождению сын учителя, б/п // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 120). Был ли это сарказм или пьяная бравада, неизвестно, но испуг у молодых журналистов был неподдельным. За редакцией приглядывал прикрепленный к ней сержант ГБ Торопов, который или почувствовал что-то неладное, или проводил обычную проверку, но в конце концов вынудил корреспондента ТАСС подать соответствующее заявление, отобрал показание у другого сотрудника. «После этого я совершил исключительное преступление, поступил не как большевик, а как мелкобуржуазный интригант. Позорно самому, больно, меня мучает совесть. Ведь я-то с ними не участвовал в кутежах, не вел развратной жизни, а так поступил, что меня до безумия мучает. Разве так может поступать комсомолец? Никогда. Я не прав, и за свою неправоту пусть понесу заслуженное наказание. Возможно, меня исключат из комсомола за мою несправедливость, причиной которой был Грабовский» (Батулин — Морякову 25.01.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 134). Так возникло дело Грабовского, выделенное в отдельное производство для передачи «суду ВКВС Союза ССР. Данных о судимости Грабовского в деле не имеется» (Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 853078 по обвинению Грабовского Г. Л. и других 11.10.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 2. Л. 10).

⁴⁰ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 975 188 г. Свердловск 14.2.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 2. Л. 119.

о чем мне по-человечески говорил следователь. То, что делается, так, видно, это нужно»⁴¹.

Иначе говоря, «диктовальщики» всеми правдами и неправдами стремились получить подпись под сочиненными протоколами, если это им не удавалось, расписывались за подследственного сами: «Кричман показал: «В Пермском горотделе, как это выяснилось уже после ареста Леоцкого, широко применялась фальсификация протоколов допроса, следователи подписывали протоколы сами вместо обвиняемых»⁴².

Среди фальсифицированных материалов в архивно-следственных делах наиболее интересны т. н. «ведущие протоколы на лиц, которые ставились во главе какой-либо группы или контрреволюционной организации. <...> Эти протоколы обычно печатались на машинке и составляли более 20 печатных листов»⁴³. Копии вкладывались в следственные дела их «подчиненных» в полном или фрагментарном виде⁴⁴. Фальсификаты протоколов допросов легко отличить и по объему, и по отсутствию рукописного источника. Копия есть, а самого протокола допроса нет. Вопросы краткие, ответы пространные, логически выстроенные, со множеством деталей, обильным цитированием разговоров между соучастниками, точной датировкой и пр. Так строится книжное повествование, не похожее на запись устной речи. Есть фабула, сюжет и — что самое главное — устойчивые формулировки, своего рода общие места — топосы, кочующие из протокола в протокол бывших руководящих работников, проходивших по совершенно разным делам. Складывается впечатление, что перед «журналистами» лежал на столе готовый образец, по которому они и составляли тексты. О его содержании и пойдет речь далее.

⁴¹ Борисов С. — В КПК при ЦК КПСС. г. Москва 24.6.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп.1. Д. 15214. Л. 183.

⁴² Обзорная справка по архивно-следственному делу № 967156 на осужденных бывших работников УНКВД Свердл. обл. Боярского, Кричмана, Ерманна, Вайнштейна и Леоцкого 22.7.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10034. Л. 61.

⁴³ Протокол допроса свидетеля Джиловяна Завена Сумбатовича г. Молотов 20.5.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10231. Л. 122. Речь идет о стандартных листах с отпечатанным текстом.

⁴⁴ См.: «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / О. Лейбович, А. Колдушко, А. Казанков и др. 2-е изд., перераб. М., 2009. С. 307.

III

Всех подследственных обязательно спрашивали о процедуре вербовки в контрреволюционную организацию, вербовщике, конкретных преступных действиях, в том числе и о людях, привлекаемых к антисоветской и (или) шпионской деятельности. В протоколах допросов эти сюжеты представлены наиболее полно. В них можно обнаружить и мотивировку участия в заговоре. Вербовщик, как правило, начальственное лицо по отношению к завербованному. Читаем в протоколе допроса И. Д. Кабакова — секретаря Свердловского обкома ВКП (б):

«... В контрреволюционную организацию правых я вступил, как я уже показывал в своем заявлении, в начале 1929 года, или еще точнее — в конце 1928 года. Сильнейшее влияние на меня в этом отношении оказывал один из руководящих участников Всесоюзного центра — А. И. Рыков. <... > После моего перехода на советскую работу мне приходилось по чисто служебным делам в каждый свой приезд в Москву бывать у РЫКОВА, как у председателя Совнаркома Союза ССР. Уже из первых моих встреч с Рыковым после моего назначения председателем Уральского Облсполкома, я убедился в том, что Рыкову отлично известны мои настроения острого недовольства и обиды против ЦК ВКП (б). Именно эти мои настроения, искусственно раздувая и разжигая их, РЫКОВ использовал, чтобы вовлечь меня в подпольную организацию правых»⁴⁵.

В этом фрагменте «показаний» обозначена наиболее типичная для фальсификатов нисходящая линия вербовки. Глава правительства СССР принимает в антиправительственную конспирацию председателя Уральского облсполкома и приглашает к нелегальному сотрудничеству заместителя председателя ОГПУ — Г. Г. Ягоду: «Это было в 1928 г. У Рыкова в кабинете»⁴⁶. Отметим слово «кабинет». Именно в нем, то есть

⁴⁵ Обзорная справка по делу Кабакова И. Д., архивно-следственное дело № 967277 в 3-х т. 3.6.1955. Экз. № 2 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10115. Т. 2. Л. 5.

⁴⁶ Протокол допроса № 3 Ягоды Генриха Генриховича от 26 апреля 1937 г. // Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 209.

в служебном помещении, соответствующем статусу вербовщика, как правило, и происходит процедура вовлечения в заговор. И. Д. Кабаков в служебном кабинете первого секретаря Свердловского обкома вербует технического директора завода № 10 В. Я. Далингера⁴⁷. Там же он отдает приказание директору треста «Союзкалий» В. Е. Цифриновичу установить контакт с немцами и готовить серию диверсий на предприятиях химической промышленности:

«Кабаков заявил, что работа, которую сейчас проводят правые, несмотря на ее активность, кажется неудовлетворительной. «Наступил такой период, когда необходимы более решительные действия против Сталинского руководства, нужно готовиться к открытому вооруженному восстанию...»⁴⁸.

Нарком внутренних дел СССР Г. Г. Ягода, в то же время «глава чекистской группы правой организации», также использует свой кабинет для заговорщических целей: «Его (С. В. Пузицкого — комиссара госбезопасности 3-го ранга, зам. начальника Дмитлага. — О. А.) я вербовал у себя в кабинете в 1935 году...»⁴⁹.

Служебный кабинет — место отнюдь не случайное. Им маркируется локус предательства. Отдельный служебный кабинет не только соответствует высокому рангу заговорщика, но и указывает на то, что контрреволюционная конспирация гнездится внутри властного аппарата — в замкнутом пространстве правительственных (партийных, советских, хозяйственных или карательных) учреждений. Вербовка подчиненного по службе лица, в свою очередь, свидетельствует о том, что вертикальные административные связи могут быть инструментом для создания заговорщической организации, особенно если строятся по артельному принципу. Продолжением кабинета могла быть казенная дача или комната отдыха в обкоме ВКП (б).

---

⁴⁷ См.: Ладыгина А. Казус инженера Далингера // Отечественные записки. 2005. № 2 (23).

⁴⁸ Протокол допроса обвиняемого Павловского Моисея Абрамовича 2.09.1937. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 1. Л. 8–9.

⁴⁹ Протокол допроса № 4 Ягоды Генриха Григорьевича от 4 мая 1937 года // Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 229.

Процедура вербовки представлена в протоколах двояко — либо как одноактное действие, либо с выделением двух этапов — подготовительного и решающего. В случае с С. В. Пузицким вербовка осуществляется в один прием. Нарком вызвал подчиненного для служебного доклада, выслушал и объявил ему:

«Мы с вами, Пузицкий, чекисты, нас осталось мало, за вами столько заслут, немногие об этом помнят, а дело идет к тому, что в стране возможны всякие перемены, идет борьба. Мы находимся в таком положении, что должны выбирать между новым руководством и старым и, в зависимости от обстановки, должны будем решить, и если силы будут на стороне новых руководящих кругов, то мы примкнем к ним». Пузицкий спросил, какие это новые руководящие круги я имел в виду. Я прямо ему сказал, что правые могут прийти к власти, и наша задача помочь им в этом. Пузицкий дал мне свое согласие»⁵⁰.

Как правило, однако, прямой вербовке предшествовал подготовительный этап. Здесь тоже были возможны варианты. В одном начальственный заговорщик третировал ничего не подозревающего подчиненного, с тем чтобы он почувствовал неуверенность собственного положения и стал более сговорчивым в решающий момент. В протоколе допроса секретаря Молотовского горкома ВКП (б) С. Д. Высочиненко читаем:

«Неоднократно на собраниях актива, пленумах Обкома и на бюро Обкома Кабаков буквально “избивал” меня, т. е. крепко проработывал за плохую постановку работы в Ленинском райкоме партии, секретарем которого я являлся, а после того он вызывал меня к себе и беседовал со мной в мирном духе, заметно стараясь меня успокоить. Учитывая все это, я задал Кабакову вопрос: чем объяснить такую линию отношения ко мне?

Вопрос: Какой ответ дал Вам Кабаков?

Ответ: Кабаков, посмеиваясь, объяснил мне так: “Не трудно и самому догадаться”. Из этих его слов я понял, что Кабаков, подготавливая меня к вербовке, применял методы “зажима”»⁵¹.

---

⁵⁰ Там же. С. 229.

⁵¹ Протокол допроса Высочиненко Семена Дмитриевича 11.09.1937. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10115. Т. 1. Л. 14–15.

Как правило, однако, предъявлялся иной вариант привлечения к заговору. В протокол допроса директора Пермского паровозо-ремонтного завода А. И. Милюкова, вовлеченного в разговор В. П. Шахгильдяном (секретарем Березниковского райкома ВКП (б), а затем начальником железной дороги им. Л. М. Кагановича), внесены показания о долгих доверительных беседах, предшествующих прямой вербовке:

«Он говорил о неблагоприятном положении с рабочей силой на строительстве Березниковского Химкомбината, подчеркивая, что если бы не спецпереселенцы, то строительство Химкомбината осложнилось бы, добавив, что надо было бы нагнать сюда еще больше крестьян. На мое замечание (довольно ироническое), что сюда гонят не вообще крестьян, а кулаков, Шахгильдян, улыбаясь, сказал: “Трудно здесь разобраться”. <... > Дальнейшая моя совместная работа с Шахгильдяном меня все больше сближала с ним. Я видел в нем для себя авторитет, я ценил в нем смелость критической мысли, хотя он всегда предупреждал меня, что о наших беседах не нужно распространяться, т. к. их могут растолковать превратно»⁵².

И вот здесь мы подходим к самому главному вопросу, как составители следственных фальсификатов представляли содержание бесед. Прежде всего, они акцентировали ироническое отношение заговорщиков к советской действительности: и к реалиям жизни, и к идеологическим формулировкам. Сравним «контрреволюционное троцкистское ехидничество» Певзнера, «ироническое замечание» А. И. Милюкова, улыбку Шахгильдяна. Естественно, заговорщики не только кривили губы в усмешке, они еще и разговаривали. Снова вернемся к показаниям А. И. Милюкова, в которой он описывает сцену вербовки, — наверное, стоит снова напомнить, что этот текст ему не принадлежит:

«Мы достаточно, — говорит Шахгильдян, — друг друга узнали за время нашей совместной работы. Мы также достаточно друг друга поняли политически — и для тебя понятны мои политические настроения, они не в пользу ЦК ВКП (б). Для меня также по-

---

⁵² Протокол допроса Милюкова Алексея Ивановича. 16.7.1937. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 1522. Л. 15.

няты и твои настроения, они целиком совпадают с моими. Сидеть сложа руки и ограничиваться только разговорами, какие мы с тобой вели, не входит в правила революционеров. Я хочу подытожить все наши беседы, которые имели между собой на протяжении нашей совместной работы и дружбы, и дать им политическую оценку, из которой ты должен сделать для себя соответствующие выводы. Мы с тобой находились на строительстве важнейшего промышленного сооружения Сталинской пятилетки. Мы являлись с тобой непосредственными свидетелями того, какими средствами и какой ценой Сталин индустриализует страну. Мы являлись свидетелями полнейшего рабства крестьян, так называемых спецпереселенцев — крестьян, разоряемых политикой Сталина и ввергнутых в рабство для того, чтобы на их костях осуществить не осуществимые для нашей страны гигантские задачи так называемого социалистического строительства. Мы являлись свидетелями того, что получают рабочие — опора пролетарской диктатуры — за свой каторжный труд. Если сравнить материальное положение рабочих с царским временем, то никакая сила не сможет их убедить, что сталинская политика направлена в интересах рабочего класса". Шахильдян продолжал: "эта политика должна быть изменена, она должна быть свергнута, она ведет страну к гибели". Но я высказал сомнения в том, что политика партии будет изменена, так как широкие массы поддерживают существующее политическое руководство, что влияние Сталина в массах велико.

Вопрос: Что на это ответил Шахильдян?

Ответ: Он мне сказал: "Ты политически дальновидный человек. Ты о силе влияния Сталина и его авторитета судишь по различным резолюциям и парадным приветствиям, которым заполнены наши газеты, на самом деле это далеко не так, лучшие силы партии, они против Сталина и до поры до времени вынуждены мириться с существующим положением". На мой вопрос, откуда он это знает, он мне заявил следующее: что активные силы партии, устраненные Сталиным от руководства, как, например, Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Мрачковский, Рыков, Томский, Бухарин, не сидят, сложа руки, а ведут активную подпольную борьбу со Сталиным. На мое замечание, что он перечислил мне лиц различных точек зрения, правых и левых, которые сами между собой ведут борьбу, Шахильдян ответил: "Ты отстал на добрую пятилетку. В интересах борьбы с общим врагом — Сталиным и ЦК произошла консолидация всех

враждебных ему сил, и в этом, собственно, сила противников Сталина и залог победы над его политикой»⁵³.

Пока оставим в стороне сюжет с объединением «левых» и «правых» в борьбе против партии. Сталин на одном из заседаний февральско-мартовского пленума прервал выступление И. Д. Кабакова: «Мы его сняли за правый оппортунизм, оказался — яркий, махровый троцкист» — репликой: «Это одно и то же»⁵⁴. После пленума ЦК ВКП (б) политическая идентичность правых и троцкистов стала общим местом в партийной печати.

Обратимся к описанию ситуации в стране. Тезис первый — индустриализация производится на костях трудящихся. Рабочие обречены на каторжный труд. Крестьяне-спецпереселенцы пребывают в рабстве. Второй тезис — реальное отношение трудящихся к Сталину отличается от парадных рапортов советской печати. Тезис третий — революционеры не могут с этим примириться, они должны действовать. В следственных материалах такого рода суждения квалифицировались как проявление контрреволюционного троцкизма. Однако в материалах «Бюллетеня оппозиции», издаваемого Л. Д. Троцким, мы не обнаружим сходных оценок, кроме критического отношения к сталинской политике (не к Сталину) в рабочей среде. В протоколе допроса рабочие представлены однородной массой, прозябающей в нищете. «Бюллетень оппозиции», напротив, акцентирует внимание на дифференциацию рабочего класса, на его экономическое и социальное размежевание: «Мы считаем, что сталинское руководство ставит стахановцев в очень привилегированное положение не только в целях поощрения к поднятию производительности труда, но и сознательно содействует дифференциации рабочего класса, с политической целью — опираться на хотя и более узкую, но и более надежную базу: рабочую аристократию»⁵⁵.

---

⁵³ Там же. Л. 16–17.

⁵⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 4 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 15.

⁵⁵ Маркин Н. (*Лев Седов*). Стахановское движение. Его реальное значение и бюрократические извращения. 12-го декабря 1935 г. // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) № 47. Январь 1936: web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-47.shtml.

Подобные явления Л. Д. Троцкий обнаруживает не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, когда пишет о больших уступках «собственническим и индивидуалистическим тенденциям деревни»⁵⁶. В его работах середины 1930-х г. не обнаруживается следов сочувствия экспроприированным крестьянам. О возможности революционного переворота Л. Д. Троцкий высказывался очень осторожно: «Рабочие — реалисты. Нисколько не обманывая себя насчет правящей касты, по крайней мере, ближайших к ним низших ее ярусов, они видят в ней пока что сторожа некоторой части своих собственных завоеваний. Они неизбежно прогонят нечестного, наглого и ненадежного сторожа, как только увидят другую возможность: для этого нужно, чтоб на Западе или на Востоке открылся революционный просвет»⁵⁷.

Иначе говоря, В. П. Шахгильдян — отнюдь не последователь Троцкого, впрочем, в сценарии следователя он проходит как «правый», то есть, в первую очередь, пособник кулачества. Правда, в вербовке сообщника он оперирует отнюдь не бухаринским высказыванием: социализм, построенный на костях трудящихся. Авторы следственного сценария могли почерпнуть ее из рукописной листовки 1935 года, изъятой сотрудниками НКВД: «Несчастные те, кто строит на своем горбу социализм, и счастливы лишь те, кто будет жить в социалистическом обществе. <... > Не допускайте, чтобы на костях пролетариата строили социализм»⁵⁸.

В советской печати это высказывание приписывалось левым социалистам из круга Отто Бауэра, клейменых «австромарксистами». В критической рецензии на роман И. Г. Эренбурга «День второй» читаем: «Вообще говоря, если придирайтесь к роману И. Эренбурга, то можно без труда доказать, что это произведение является апологией австромарксистской бредни о “пятилетке, построенной на костях ударников”»⁵⁹. Ссылка на т. н. «австромарксистов» представляется, однако, необоснованной. Во всяком случае, в середине 1930-х гг. О. Бауер высоко оценивал результаты хозяйственного строительства СССР, охотно выслушивал рассказы агента Коминтерна Э. Фишера о растущем советском патрио-

⁵⁶ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С.106.

⁵⁷ Там же. С. 236.

⁵⁸ «На костях пролетариата социализм не построишь». Ноябрь 1935 г.: www.hrono.ru/dokum/193_dok/193skosti.html.

⁵⁹ Гарри А. Жертвы хаоса // Литературная газета. 18 мая 1934.

тизме, о подлинной популярности Сталина и даже предполагал, что, если удастся сохранить мир на несколько лет, Советский Союз сможет «догнать и перегнать по уровню жизни народных масс передовые капиталистические страны»⁶⁰.

«Социализм на костях» — это на самом деле политически заостренный в «контрреволюционном духе» парафраз идеи жертвенности, в начале 1930-х г. артикулировавшейся в советской литературе⁶¹. И здесь мы опять обращаемся к роману И. Эренбурга. В его первой редакции мы находим слова о спецпереселенцах, очень похожие на те, которые якобы произносит В. П. Шахгильдян: «Они были похожи на погорельцев. Называли их «спецпереселенцами». Они начали рыть землю: они строили земляные бараки. В бараках было тесно и темно. Утром люди шли на работу. Вечером они возвращались. Кричали дети, и все так же измученные бабы приговаривали: «Нишкни!» Раскулаченные тоже строили завод, но они его строили с тоской и злобой. Каждый из них не был ни в чем повинен. Но они были людьми того класса, который был повинен во всем»⁶².

Можно предположить, что при конструировании идеологии заговора следователи опирались на литературные тексты, по всей вероятности, обнаруживая в некоторых из них достаточно выраженную антисоветскую тенденцию. Новые советские романы пользовались сомнительной репутацией в чекистской и околочеккистской среде. Так, прокурор Пермского сектора НКВД в 1935 г. предъявлял претензии к следствию по делу антисоветской агитации: «По делу не проверено, что за цель Полесицкому рекомендовать книгу Эренбурга — День второй — свидетелю Самотову и что за книга, и почему хотели проработывать на кружке, не проверено»⁶³.

Даже в словах Г. Г. Ягоды: «Мы с вами, Пузицкий, чекисты, нас осталось мало», — можно обнаружить скрытую цитату из повести Б. Пильняка: «Здесь спали коммунисты призыва военного

---

⁶⁰ Hanisch E. Der grosse Illusionist: Otto Bauer (1881–1938). Wien, 2011. S. 347.

⁶¹ См.: Машкова Е. Е. Проблема жертвы/жертвенности в производственной прозе 1920–1930-х годов // Вопросы русской литературы. Симферополь, 2007. Выпуск 13: <http://scribble.su/magazine/voprosi13/7.html>.

⁶² Эренбург И. День второй: роман. Paris, 1933. С. 33.

⁶³ Постановление прокурора Пермского сектора НКВД Ощепкова. 24.4.1935 // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. Т. 2. Л. 59.

коммунизма и роспуска тысяча девятьсот двадцать первого года, люди остановившихся идей...»⁶⁴.

Чиновники из центрального аппарата НКВД, по всей вероятности, считали эти взгляды достаточно распространенными и в партийной среде, и среди специалистов. Возможно, суждения казались им настолько само собой разумеющимися, что не требовали развернутой аргументации. В принципе, все же знают, как живут рабочие на стройке, почему бы врагам народа об этом не говорить вслух. Тезис Сталина об обострении классовой борьбы здесь приобретает новое неожиданное содержание. На большевистском языке борьба трудящихся масс против эксплуататоров является ответом на рост нищеты, усиление классового гнета и т. д.: «Кризис расширяет — в сотни и тысячи раз расширяет — фундамент классовой борьбы, обостряет ее, обуславливает ее быстрое превращение в открытую борьбу класс против класса», — можно было прочесть в журнале «Большевик» еще в 1930 г.⁶⁵

И в Советском Союзе обострение классовой борьбы, стало быть, есть результат обнищания масс. Так получилось, что угнетенные массы представляют эсеры, кулаки, церковники, красные партизаны, белогвардейцы. В протокол допроса секретаря Ворошиловского горкома партии внесены слова И. Д. Кабакова, что именно эти группы населения являются авангардом борьбы против режима; он их квалифицирует как «социальные силы»: «Таковыми силами в настоящее время являются: помимо правых и троцкистов, эсеры, спецпереселенцы — кулаки, белогвардейцы, служители религиозных культов, бывшие красные партизаны, антисоветски настроенные перебежчики и, особенно, немцы, с которыми мы уже вошли в контакт и которые могут нам оказать существенную помощь»⁶⁶. Заметим, что рабочих, о которых говорит В. П. Шахгильдян, среди них нет. В этом признании перемешаны политические группировки и социальные группы, что может быть вполне оправданным, с полицейской точки зрения. Вот цели, по которым следует наносить оперативные удары. Такой подход, однако, противоречит марксистской традиции, различаю-

⁶⁴ Пильняк Б. Красное дерево. Повесть. М., 2010. С. 40–41.

⁶⁵ Сафаров Г. Кризис «организованного капитализма» // Большевик. 1930. № 1. С. 71.

⁶⁶ Протокол допроса обвиняемого Павловского Моисея Абрамовича. 2.9.1937. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 1. Л. 9.

щей социальные и политические формации. В протоколе допроса Г. Г. Ягоды следователи такую принципиальную ошибку не допускают. Они разделяют социальную основу заговора и его внутреннюю структуру:

«На протяжении 1931–1933 годов внутри Советского Союза был организован единый контрреволюционный заговор против коммунистической партии и против Советской власти по общей программы борьбы за свержение Советской власти и реставрации капитализма на территории СССР. Заговор объединил все анти-советские партии и группы как внутри Союза, так и вне его. < ... > В заговоре принимали участие следующие партии и группы, которые имели свои собственные организации: 1) троцкисты; 2) зиновьевцы; 3) правые; 4) группа военных; 5) организация в НКВД; 6) меньшевики; 7) эсеры»⁶⁷.

Из фальсифицированных протоколов допросов можно установить, что, по мнению руководства НКВД, истоки заговора коренятся в глубине советского общества: в недовольстве рабочих и крестьян нищенскими условиями существования, в растущем разочаровании результатами социалистического строительства, в ненависти «бывших» (не только помещиков и капиталистов, но также и экспроприированных крестьян, красных партизан, городской мелкой буржуазии и пр.). Это недовольство является таким мощным, что, во-первых, внушает страх перед надвигающейся контрреволюцией нестойким партийным работникам; во-вторых, вселяет надежду в бывших оппозиционеров, стремящихся использовать эти массовые настроения для своего возвращения во власть; в-третьих, под напором внутренней и внешней контрреволюции все бывшие фракции в РКП (б) — ВКП (б) объединились на почве подготовки правительственного переворота с использованием индивидуального террора, диверсий, сотрудничества с иностранными разведывательными центрами, в первую очередь с немцами, о которых упоминается в показаниях М. А. Павловского. В протоколе допроса директора треста «Союзкалий» В. Е. Цифри-

---

⁶⁷ Протокол допроса № 6 Ягоды Генриха Григорьевича от 19 мая 1937 года // Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 249–250.

новича можно прочесть, какие инструкции заговорщики получали из рейхсвера:

- 1) «Составить и разработать подробный обоснованный план вооруженного восстания, исходя из того, что Свердловская область является мостом, соединяющим Азиатскую часть СССР с Европейской. В плане должно быть предусмотрено создание таких условий, которые в момент вооруженного выступления отрезали бы Свердловскую область на известное время от Азиатской и Европейской части страны.
- 2) По мнению германского рейхсвера, наиболее благоприятным моментом вооруженного выступления должно явиться начало войны СССР и одной из империалистических держав и что подготовка должна вестись с расчетом на готовность к весне 1939 года»⁶⁸.

Содержание протоколов допросов явно противоречило всей советской пропаганде о благосостоянии рабочих и колхозников, о безусловном доверии и любви, которые питают советские люди и к Сталину, и к партии, и к Советской власти. Если советские журналисты создавали образ счастливого общества новых людей — героев и оптимистов, то их собратья по перу в органах НКВД рисовали совсем иную картину, различающуюся как позитив и негатив одного и того же фотоснимка. Там, где публика должна была увидеть расцвет нового строя, читатели следственных дел в НКВД и в ЦК обнаруживали нищету, бесхозяйственность, глухое недовольство, более того, упорную партизанскую борьбу противников советской власти: вредительство на своем рабочем месте, террористические акты против советских активистов, формирование повстанческих групп и целых армий. Складывается ощущение, что «журналисты» из НКВД брали материалы из советских газет и переписывали их, что называется, выворачивая наизнанку. Стахановские рекорды замещались саботажем. Благосостояние колхозников — нищетой и т. д., морально-политическое единство советского общества — глубоким социальным кризисом. Кризис становился настолько сильным, что к борьбе

---

⁶⁸ Протокол допроса Цифриновича Владимира Ефимовича. 5.9.1937. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 1. Л. 44–45.

против Советской власти присоединились многочисленные перебежчики из партийного и государственного аппаратов. Не просто присоединились, а создали авангард (контр) революционных сил. Более того, целые звенья государственного аппарата оказались пораженными изменой: почти все союзные и республиканские наркоматы, обкомы и горкомы ВКП (б), штабы воинских соединений и пр. В протоколе допроса И. Д. Кабакова записано:

«Наша организация, действовавшая с самого начала в теснейшей увязке и взаимодействии с троцкистско-зиновьевской организацией, а в дальнейшем сблокировавшаяся с ней, представляла собой широко разветвленную организацию, проводившую подрывную вредительскую деятельность во всех отраслях народного хозяйства и на всех важнейших участках работы культурно-идеологического фронта в Свердловской области»⁶⁹.

Другими словами, Свердловский обком ВКП (б) в течение 5 лет был на деле заговорщической организацией, центром противодействия советской политике на Урале. На Украине ту же подрывную роль исполнял местный ЦК под водительством С. В. Кошиора и П. П. Постышева. Перечень можно продолжать.

При таких условиях оставшиеся преданными сотрудники НКВД могли считать себя едва ли не героическими спартапцами, призванными умереть или победить силы зла, прибивавшими к рукам едва ли не все звенья партийно-государственной машины.

* * *

Остается главным вопросом: чему соответствовали образы советской действительности, предъявляемые в следственных фальсификатах? Были ли они адекватны оценке ситуации в стране, сложившейся в корпоративной культуре чекистского ведомства в 1937–1938 гг. либо являлись литературными упражнениями на тему вражеского образа мыслей, своего рода «романами», тиснутыми в следственных кабинетах по образу подобию творений

---

⁶⁹ Обзорная справка по делу Кабакова И. Д., архивно-следственное дело № 967277 в 3-х томах. 3.6.1955. Экз. №2 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10115. Т. 2. Л. 5.

советских литераторов? Заметил как-то Сталин на полях доклада начальника Свердловского УНКВД наркому внутренних дел: «Записка Дмитриева производит впечатление газетной статьи»⁷⁰.

Отрицать литературную природу «показаний» было бы неправильно. Следователи писали их по книжным правилам: с завязкой (сцена вербовки), кульминацией (совершением акта измены) и развязкой (признанием в своих преступлениях). Эта повесть, однако, не была психологической. Преступники очень невнятно объясняли, почему они пошли на смертельный риск, присоединившись к заговору. Полновластный хозяин Урала И. Д. Кабаков вспоминал о том, как его в далеком 1928 г. обидели: «Будучи до приезда на Урал секретарем Тульского Губкома ВКП (б), я считал свою переброску на советскую работу “снижением” и “затираанием” и затаил в себе глубокое чувство недовольства и обиды против ЦК ВКП (б) и персонально против И. В. Сталина»⁷¹. Г. Г. Ягода свое участие в заговоре обосновывал тем, что «большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был»⁷². Отсутствие психологизма компенсировалось авантурным сюжетом: конспиративные встречи, заседания подпольных комитетов, встречи с иностранными шпионами, интриги, предательства, тайные стоворы, черные планы и пр.

Сочинения эти предназначались сугубо для внутреннего пользования. Они ни в коем случае не предназначались для печати. Снабженные грифами «совершенно секретно», «особая папка» эти документы должны были навечно осесть в ведомственных архивах. Только наиболее важные из них специальным курьером рассылались по списку высшим партийным руководителям. Чем уже круг читателей, тем важнее документ. На вопрос обвиняемого: «Зачем вам нужна ложь? — (пом. начальника Свердловского

⁷⁰ Спецсообщение Н. И. Ежова И. В. Сталину с приложением копии записки Д. М. Дмитриева о ликвидации «фашистской» организации. 30.10.1937 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. С. 414.

⁷¹ Обзорная справка по делу Кабакова И. Д., архивно-следственное дело № 967277 в 3-х т. 3.6.1955. Экз. № 2 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10115. Т. 2. Л. 5.

⁷² Протокол допроса № 3 Ягоды Генриха Григорьевича от 26 апреля 1937 года // Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 207.

УНКВД — О. Л.) Боярский ответил, что это нужно партии, органам НКВД, нужно истории...»⁷³.

Итак, если историк большого террора имеет дело с литературщиной, то есть приписыванием заговорщикам вражеских мыслей, почерпнутых из сочинений советских писателей, тогда следственные фальсификаты являются достаточно точным выражением корпоративной культуры высоких чинов карательного ведомства. В ней можно обнаружить, стало быть, высокий статус прозы, способной передавать действительные помыслы, мотивы и жизненные цели враждебных сил, далее, неразличимость границ между художественным вымыслом и жизненными коллизиями, то есть между искусством и социальной действительностью, своего рода, наивный реализм, свойственный малообразованным читателям.

Возможно, однако, и другое прочтение следственных фальсификатов. Использование литературных приемов касалось только формы показаний. Что касается их содержания, то в нем в полной мере нашло отражение представление руководства партии и НКВД о состоянии дел в стране. Наркомат внутренних дел мог получать информацию из сводок, записок, донесений, а затем расписывать ее в виде диалогов между заговорщиками.

Исполнители своими глазами видели длинные хвосты за хлебом, слышали брань рабочих в адрес сытого начальства, вытаскивали людей из переполненных бараков... В обществе обостряется классовая борьба. Силы контрреволюции представляют собой самую широкую коалицию из всех обиженных властью: от бывших образованных классов до значительной массы рабочих. Под влиянием этих социальных сил произошло разложение государственного аппарата; его основные учреждения изменили свой социальный характер и стали действовать в пользу контрреволюции. База советской власти хоть и сохранилась, но была лишена действенной организации. Сторонники социализма дезориентированы и рассеяны. Враг готовится нанести удар. Иначе говоря, следственные фальсификаты можно прочесть как секретный доклад для правящей группы о ситуации в СССР. С его основными тезисами был ознакомлен Сталин, получавший протоколы допросов. Не бу-

---

⁷³ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников УНКВД Свердловской области // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16213. Л. 153.

дет натяжкой предположить, что он с такого рода описанием дел был согласен, во всяком случае, сомнений в правдивости показаний не высказывал и, стало быть, в заговор верил. В таком случае следственные фальсификаты являются надежным и достоверным источником о состоянии умов советского руководства в середине 1930-х годов, их оценку сложившейся в стране социальной и политической ситуации. Голосами «заговорщиков» НКВД вел диалог со Сталиным.